

А. В. Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. a.v.maierov@gmail.com

МИЛЕЙ, КУРЕМСА И ХАН МУНКЕ: ЮЖНАЯ РУСЬ ПОД МОНГОЛЬСКИМ КОНТРОЛЕМ

Происходившие в первой половине 1250-х гг. атаки монгольского военачальника Куремсы на Галицко-Волынскую землю были обусловлены борьбой за власть в Монгольской империи. Чтобы обеспечить контроль над западными окраинами империи, новый великий хан Мунке стремился разрушить созданную Бату в 1240-х гг. систему подчинения русских земель. Перепись населения Руси, предпринятая правительством Мунке, должна была обеспечить централизацию власти, материальных и людских ресурсов, необходимую для дальнейших завоеваний как на Западе, так и на Востоке. Противостояние Джучидов и имперского центра продолжалось несколько лет, вплоть до смерти Бату и его сына Сартака.

Ключевые слова: Мунке, Бату, Милей, Куремса, Даниил Галицкий

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ), проект № 21-18-00166.

Атаки монгольского военачальника Куремсы на земли Галицко-Волынской Руси чаще всего рассматриваются как карательные акции. Историки обращают внимание на то, что первая из них, произошедшая в 1252 г., совпадает по времени с атакой другого монгольского военачальника Неврюя, направленной против владимирского великого князя Андрея Ярославича. Это позволяет воспринимать обе акции как части единой карательной кампании, целью которой было наказание двух сильнейших князей Руси, заключивших союз друг с другом, чтобы проводить антимонгольскую политику. Одновременно Даниил Галицкий активно искал союзников на латинском Западе и в обмен на военную помощь против монголов обещал подчиниться римскому папе в церковных делах¹.

Эта внешне стройная и логически последовательная концепция может быть уязвима в своих основных положениях. Не вызывает сомнений, что обещания военной помощи против монголов со стороны папы и других западных союзников Даниила носили декларативный характер: раздробленная Европа, расколота длительным противостоянием папства с германскими императорами (достигшим своего апогея как раз в середине XIII в.), не могла и, похоже, даже не собиралась предоставлять Руси военную помощь, достаточную для противостояния с монголами. Трудно допустить, чтобы Даниил Галицкий, тесно связанный с Западом на протяжении всей жизни, мог обманываться насчет обещаний такого рода.

Несомненно, Даниил был осведомлен о крушении планов своего многолетнего союзника и родственника, венгерского короля Бела IV, тщетно пытавшегося получить военную помощь латинского Запада против монголов. Король Бела прямо заявлял об этом: в письме к римскому понтифику он горько сетовал, что, несмотря на многократные обращения к самому папе, а также к германскому императору и французскому королю, «ни от кого из них мы не получили ни утешения, ни помощи, но только слова (*de quibus omnibus nichil consolacionis vel subsidii recepimus, nisi verba*)»². Курс на сближение с папством был взят Даниилом задолго до появления монгольской угрозы, и сам этот курс, как и его колебания, в первую очередь был обусловлен

¹ Обзор мнений по данному вопросу см.: [Иванова, с. 37–38].

² *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia* / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. Т. 1. № 440. Р. 231.

политическими интересами Византийской (Никейской) империи, чьими последовательными союзниками галицко-волынские князья оставались в течение первой половины XIII в. (подробнее см.: [Майоров, 2012; Maiorov; Майоров, 2019]).

Женитьба Андрея Ярославича на дочери Даниила Романовича в 1250 г. также не может быть доказательством существования антимонгольского союза между этими князьями. После завоевания Руси войсками Бату в ходе Великого Западного похода монголов и вплоть до атак Неврюя и Куремсы ни у владимиристо-суздальских, ни у галицко-волынских князей не было конфликтов с завоевателями. Даниил Романович и Андрей Ярославич принесли вассальную присягу Бату в ходе личного визита к нему, после чего Андрей со своим братом Александром Невским посетили ставку великого хана, где были утверждены в княжеских правах (см.: [Майоров, 2016; Майоров, 2021]). Ничто не указывает на возможность нарушения русскими князьями своих вассальных обязательств в отношении Бату.

Если атаки Неврюя и Куремсы большинством исследователей справедливо рассматриваются в общем контексте как взаимосвязанные акции, то вопрос об их причинах не находит пока убедительного решения. Оставаясь в рамках общего подхода, мы предлагаем расширить горизонт исследования, заново обратившись к фактам, хорошо известным, но пока еще недооцененным историками. Монгольские нашествия 1252 г. чаще всего рассматриваются с точки зрения русско-ордынских отношений, что, разумеется, не может быть поставлено под сомнение. Однако у этих событий, безусловно, был еще один, не менее важный аспект. В середине XIII в. русские земли оставались частью единой Монгольской империи, верховные правители которой имели собственные задачи и интересы, не всегда и не во всем совпадавшие с интересами правителей Улуса Джучи (Золотой Орды). Изучение поднятого нами вопроса в общемонгольской имперской перспективе может привести к новым, иногда неожиданным результатам.

Всеобщая перепись

Сразу после прихода к власти новый великий хан Мунке принял решение о проведении всеобщей переписи податного населения, охватившей все области и страны, так или иначе входившие в состав Монгольской империи. Перепись проводилась с целью упорядочения системы взимания налогов и выполнения других повинностей, обязательных для всех завоеванных народов, что в конечном счете должно было привести к увеличению доходов великоханской казны, централизации власти и усилению контроля над ресурсами империи (см.: [Allsen, 1987, p. 116–143]).

Русские летописи говорят только о переписи податного населения Руси, прежде всего Владимиро-Суздальской земли и Новгорода. Из этих кратких и отрывочных сообщений может сложиться впечатление, что перепись была локальным мероприятием, проводимым правителями Улуса Джучи и касавшимся только русских земель. Однако уже для многих средневековых наблюдателей, чьи свидетельства дошли до нашего времени, было очевидно, что перепись проводилась в масштабах всей империи и Русь была лишь одним из элементов этой грандиозной программы (см.: [Майоров, 2022б]).

По сведениям Ала ад-дина Джувейни, персидского историка и государственного деятеля, непосредственно участвовавшего в переписных мероприятиях на западе империи, решение о проведении всеобщей переписи населения Мунке принял сразу после своей интронизации (1 июля 1251 г.). Чтобы правильно «определить величину налогов и переписать имена людей», Мунке выбрал опытных и надежных чиновников.³ Проведение переписи в Китае он поручил

³ Juvaini. The History of the World-Conqueror / Transl. J. A. Boyle. 2 vols. Manchester, 1958. P. 596–597.

великому министру (*sahib-i-mu'azzam*) Махмуду Ялавачу. Его сыну и помощнику Масуд-беку были поручены Мавераннахр, Туркестан, Отрар, страна уйгуров, Хотан, Кашгар, Джанд, Хорезм и Фергана. Перепись охватила также западные окраины империи – Иран, Кавказ и Ближний Восток. Руководить ею был назначен наместник императора на Западе Аргун-ака, получивший в управление Хорасан, Мазендеран, Фарс, Керман, Лур, Арран, Азербайджан, Грузию и др.⁴

Уже в 1252 г. началась подготовка к проведению переписи в русских землях. В начале этого года специальный ханский чиновник (*баскак*) Милей впервые появился на территории Галицко-Волынской земли и встретился с князем Даниилом Романовичем Галицким (подробнее об этом мы скажем ниже). Тогда же приказ о проведении переписи был доставлен владимирскому великому князю Андрею Ярославичу, и после его отказа «цесарям служить» Северо-Восточную Русь атаковал карательный отряд монголов под командованием Неврюя⁵ (см.: [Майоров, 2022а]).

После того как сопротивление владимирского князя было подавлено, а сам он бежал из Руси, для проведения переписи в русских землях великий хан назначил специального имперского чиновника (*бичигчи*) Берке. Этот факт отмечен в хронике правления Мунке – третьей главе раздела «Основные записи» Юань ши (китайской официальной истории эпохи Юань): весной, в начальной луне третьего года (31 января – 28 февраля 1253 г.) «[хан] отправил бичигчи Берке произвести перепись населения на Руси (遣必闍別兒哥括斡羅思戶口)»⁶.

В другом месте Юань ши – описании земель Узбека раздела «Трактаты» – находим еще одно сообщение, которое, как кажется, можно связать с предыдущим: в год *гуй-чоу* (1253 г.) были зарегистрированы дворы у русских (*во-ло-сы*) и аланов (*а-су*) (歲癸丑, 括斡羅思、阿思戶口)⁷. Эта запись сделана составителями или редакторами «Юань-ши», работавшими в 1368–1370 гг., и в изданиях памятника она выделена как примечание редакторов. Запись является частью более пространныго комментария, помещенного под заголовком «Кипчак».

В своих примечаниях к основному тексту редакторы Юань ши, как правило, использовали подлинные документы имперского правительства, и, несмотря на некоторую поспешность и небрежность в оформлении примечаний, содержащиеся в них сведения в целом заслуживают доверия. Более того, благодаря отмеченной особенности редакторской работы в тексте примечаний сохранилось множество дословных заимствований и более или менее пространных фрагментов текстов подлинных документов XIII в., переведенных на китайский язык⁸.

По всей видимости, упомянутая в примечании редакторов Юань ши регистрация русского населения стала результатом деятельности бичигчи Берке, полномочия которого распространялись на земли Южной Руси и Северного Кавказа.

В русских летописях начальный этап всеобщей переписи Мунке (1252–1253 гг.) не нашел отражения, и поэтому трудно оценить реальный масштаб действий, предпринятых монгольской администрацией. Возможно, это произошло по причине утраты или прекращения киевского и черниговского летописания. В Галицко-Волынской земле, как известно, местное летописание продолжалось, и отмеченное выше появление здесь баскака – монгольского

⁴ Juvaini. The History of the World-Conqueror. P. 517–521, 597–598; см. также: Киракос Гандзакецци. История Армении / Пер. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 221.

⁵ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 473.

⁶ Юань ши. Тайбэй, 1966. Гл. 3. С. 16. Анализ этого сообщения см.: [Майоров, 2022а].

⁷ Юань ши. Тайбэй, 1966. Гл. 63. С. 600; см. также: Юань ши. Пекин, 1976. С. 1570. Русский перевод см.: Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» / Пер. и коммент. Р. П. Храпачевского // Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. Китайские и монгольские источники. С. 208.

⁸ Благодарю С. В. Дмитриева (Институт востоковедения РАН) и Стивена Поу (Университет Калгари) за ценные комментарии по этому вопросу.

чиновника, отвечавшего в том числе за сбор налогов на завоеванных территориях, – могло быть отголоском реальных событий, связанных с проведением переписи.

Расположенные на далекой периферии Монгольской империи, русские земли, тем не менее, оставались под постоянным вниманием правительства Мунке в период проведения всеобщей переписи. Хотя основные мероприятия, связанные с ней, в Северо-Восточной Руси и Новгороде были проведены позднее, чем в других регионах, непосредственная подготовка к ним началась одновременно с началом всей кампании.

Одним из ее проявлений стали драматические события, отразившиеся в русских летописях. В 1252–1254 гг. Владимиро-Суздальскую и Галицко-Волынскую земли атаковали монгольские войска под командованием Неврюя и Куремсы⁹. По нашему мнению, целью этих атак было преодолеть негласное, но хорошо организованное сопротивление Джучидов, стоявших за спиной присягнувших им русских князей, недовольных ужесточением фискальной политики имперского центра. На Юге Руси эта цель в какой-то мере была достигнута, вероятно, уже к исходу 1253 г., если следовать приведенным выше сообщениям Юань ши о назначении бичигчи Берке и проведении регистрации дворов налогоплательщиков у русских и аланов. Однако в основных центрах Северо-Восточной Руси и Новгороде перепись была проведена только после смерти Бату и его наследника Сартака (подробнее см.: [Майоров, 2022б]).

Баскак Милей

Изданный вскоре после интронизации Мунке приказ о проведении всеобщей переписи податного населения мог быть доставлен на Русь уже в конце 1251 или в самом начале 1252 г. (см.: [Майоров, 2022а, с. 31–32]). Тогда же представители новой ханской администрации во главе с баскаком Милеем появились на юго-восточной окраине Галицко-Волынской земли, где находился город Бакота. Это – единственное упоминание баскака в Галицко-Волынской летописи и самое раннее упоминание о баскаках в русских источниках.

Некоторую хронологическую опору для датировки появления Милея предоставляет Галицко-Волынская летопись: когда баскак объявился в Бакоте, князь Даниил Романович «пошедшу на воину на Литву, на Новъгородок»¹⁰. В описываемое время одна за другой произошли несколько военных кампаний против литовцев с участием Даниила (см.: [Кибинь, с. 156–158]). Одна из них, инициированная литовским князем Товтивилом, состоялась на рубеже 1251–1252 гг. (см.: [Грушевский, с. 35]). На наш взгляд, именно с этой кампанией хронологически связано появление Милея в Бакоте¹¹.

Как и владимирский князь Андрей Ярославич, Даниил Романович отказался подчиниться приказу хана о проведении переписи и отправил в Бакоту своего сына Льва с военным отрядом. Лев сумел прогнать татар, освободить Бакоту, а также доставить к отцу самого Милея (*яша Милея баскака*)¹².

Заметим, что в этом месте в Галицко-Волынской летописи существует разночтение. В Хлебниковском списке интересующее нас известие имеет несколько иной вид: «...яша Милея и баскака»¹³. Исследователи не прошли мимо этого разночтения, сделав несколько попыток его объяснения (обзор мнений см.: [Иглесиас, с. 185–190]). Отдавая предпочтение варианту Хлебниковского списка, некоторые авторы утверждают, что Лев Данилович захватил

⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 473; М., 1998. Т. 2. Стб. 829.

¹⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 828–829.

¹¹ М. С. Грушевский колебался в датировке появления татар в Бакоте: связывая его с походом Даниила на Литву, состоявшимся зимой 1252–1253 гг., исследователь допускал, что это мог быть также поход зимы 1251–1252 гг. (см.: [Грушевский, с. 38]).

¹² ПСРА. Т. 2. Стб. 828–829.

¹³ Там же. Стб. 829. Вар. 5.

в Бакоте не одного, а двух лиц, причем первого летописец назвал по имени (Милей), а второго – по должности (баскак); Милея Лев доставил к отцу, а безымянный баскак был предоставлен сам себе и, внезапно появившись в поле зрения летописца, так же внезапно выпал из него (см.: [Арістов, с. 459]).

Такая неуклюжая реконструкция только запутывает дело. Более естественным представляется другое объяснение: как в Хлебниковском, так и в Ипатьевском списках речь идет об одном лице – баскаке по имени Милей. Союз «и» добавлен в Хлебниковском списке по ошибке или, может быть, как в некоторых подобных случаях, мы имеем здесь другую часть речи – личное местоимение, относящееся к Милею: «Милея того баскака» (см.: [Kronika halicko-wołyńska, s. 356, przur. 936]; см. также: [Jusupović, 2013, s. 206–207; Dąbrowski, s. 332]). Подобным образом можно было сказать о человеке, хорошо известном как самому летописцу, так и его современникам.

Поскольку Милей не назван баскаком ни при первом, ни при последнем упоминании о нем в летописи, а баскак не называется по имени, допустимо предположить, что Милей получил должность баскака в награду сразу после сдачи им Бакоты или, точнее, его перехода на службу к монголам. Уже в новом качестве баскака Милей был пленен Львом, но затем отпущен и возвращен в Бакоту. Впрочем, невозможно с уверенностью сказать, насколько такого рода филологические наблюдения над текстом летописи соответствуют стоящим за ним реальным фактам (см.: [Иглесиас, с. 188–189]).

Как бы то ни было, личность баскака Милея имеет ключевое значение для понимания сути происходящего. Помимо надзора за лояльностью местных правителей в функции баскаков входил контроль за сбором дани с подчиненного населения. Наличие баскака можно считать главным признаком введения монгольской системы взимания податей, предполагавшей проведение переписи (см.: [Горский, с. 65, 78, примеч. 80]). В период существования единой Монгольской империи баскаки (или даругачи) представляли правительство великого хана, в том числе в землях, подвластных Джучидам (см.: [Allsen, 1987, p. 46; Трепавлов, с. 152]).

На должности баскаков ханы назначали наиболее доверенных людей, выбирая их из своего окружения, в том числе среди личной гвардии (*кешиг*), выполнявшей роль важнейшего кадрового резерва как для военной, так и для гражданской службы (см.: [Allsen, 1986; Melville, p. 139]). Из гвардейской среды иногда происходили и монгольские бюрократы более низкого уровня, такие как бичигчи (см.: [De Rachewiltz, p. 100–102; Норе, p. 374]).

Однако в нашем случае это общее правило, похоже, сталкивается с исключением, или, точнее говоря, мы имеем дело с альтернативной возможностью. Имя *Милей*, скорее всего, возникло на славянской почве (см.: [Dąbrowski, s. 332]), что должно свидетельствовать о местном происхождении его обладателя, вероятного выходца из Юго-Западной Руси. Может показаться, что этот факт противоречит и даже исключает причастность Милея к структурам ханской власти или возможность перехода на службу к завоевателям. Исходя из этого иногда делается поспешный вывод, что баскак Милей не мог сначала быть человеком Даниила, а затем «приложиться» к татарам. Рассуждая подобным образом, В. Аристов исходит из явно ошибочного представления, что на должность баскака не мог быть назначен представитель местной элиты. Поэтому Милей не мог иметь никаких особых отношений с галицко-волинскими князьями, обусловленных его происхождением и прежними личными связями [Арістов, с. 459].

Такое утверждение, сделанное без всяких доказательств, не соответствует исторической действительности. Наоборот, мы можем уверенно констатировать существование противоположной практики. В завоеванных странах монгольские правители нередко назначали

на высокие административные посты, в том числе на должности баскаков (или аналогичные должности), доверенных лиц из числа местного населения, доказавших свою верность новым хозяевам. В этом состояли один из путей формирования монгольской имперской элиты и вместе с тем важная особенность общей стратегии управления, проявления которой можно видеть не только на Руси, но также в Средней Азии, Китае и Иране. Показательными примерами здесь могут быть уже упомянутые нами Махмуд Ялавач и Масуд-бек. Можно сказать, что в период существования единой империи только центральное правительство (секретариат), развившееся из кешига и непосредственно подчиненное великому хану, был укомплектован в основном монголами, тогда как на нижних уровнях имперская бюрократия формировалась в основном из представителей подчиненного населения (см.: [Biran, 2015, p. 539; Biran, 2021, p. 231]). Привлекая к управлению завоеванными территориями часть местной элиты, монголы стремились использовать ее опыт в сфере гражданской администрации и финансов, поскольку не располагали достаточным количеством специалистов, способных эффективно управлять оседлым земледельческим населением (см.: [Endicott-West, p. 45; Jusupović, 2021, p. 240–241]).

После назначения киевского баскака и проведения переписи населения в Киевской и, вероятно, Черниговской землях (1246–1247 гг.) (см.: [Allsen, 1987, p. 135; Горский, с. 65]) имперское правительство приняло решение распространить систему баскачества на Владимиро-Суздальскую и Галицко-Волынскую земли¹⁴.

Баскак Милей появился в Бакоте не позднее конца зимы 1252 г. Галицко-Волынская летопись уточняет, что Лев Данилович со своими людьми отправился к Бакоте из-под литовского Новогрудка во время неожиданной оттепели (*бывшую раскалью*)¹⁵.

Приступив к своим обязанностям, баскак, вероятно, потребовал встречи с князем Даниилом для передачи ему воли великого хана. Занятый войной с литовцами, Даниил отправил к Милею своего сына Льва. По-видимому, ранее этот Милей был известен или даже служил галицко-волынским князьям, возможно, в качестве княжеского наместника в Бакоте (см.: [Jusupović, 2013, s. 207; Иглесиас, с. 185]), и его переход на сторону татар (*приложися Милеи к нимъ*) был не только поводом для сожаления, но и, с другой стороны, мог вселять надежду на нормализацию отношений с новой имперской властью.

С помощью некоего придворного слуги (*дворьского*) Лев сумел убедить Милея лично прибыть к Даниилу для дальнейших переговоров (*и приведе Левъ Мелея отцю си*). Доставку Милея к Даниилу летописец преподносит как успешную силовую операцию, важную военную победу над татарами. Однако более вероятным представляется другое объяснение: баскак сам был заинтересован в переговорах и поэтому согласился поехать к старшему Романовичу.

Суть переговоров в летописи сведена только к обсуждению судьбы Бакоты. В итоге русский книжник был уверен, что этот город вернулся под власть галицко-волынского князя или короля, как он именует Даниила: «и бысть паки Бакота королева». Тем не менее Милей возвратился в Бакоту и остался там в качестве баскака. Лев Данилович, доставивший Милея к отцу, дал какие-то поручительства за него (*а поручникъ бысть Левъ, яко верну ему быти*), и эта подробность как бы намекает на некие взаимные договоренности и обязательства.

¹⁴ Высказанное недавно предположение, что Галич и большая часть Галицкой земли с середины 1240-х гг. находились под прямым управлением монголов и Романовичи полностью утратили контроль над этой территорией (см.: [Галицко-Волинский летопис, с. 414–419]), основано на слишком вольных и противоречивых реконструкциях летописного текста, которые, в свою очередь, обусловлены неоправданным представлением, будто Галицко-Волынская летопись в целом была написана спустя много десятилетий после изложенных в ней событий и текст ее, сплошь сотканный из разновременных фрагментов, цитат и заимствований из других источников, в сущности имеет только литературную ценность.

¹⁵ Дариуш Домбровский датирует захват Бакоты татарами и выступление против них Льва Даниловича концом 1252 или ранней весной 1253 г. [Dąbrowski, s. 331–332], не замечая связи этих событий с монгольской переписью населения Южной Руси.

Едва ли, однако, Милей считал себя связанным какими-то обязательствами с Даниилом. Во всяком случае, он недолго их придерживался, и, когда через некоторое время в Галицко-Волынскую Русь прибыли новые отряды монголов (*паки приехавшим Татаромъ*), Милей, по мнению летописца, обманул русских князей (*створи льсть*) и вновь отдал Бакоту под власть завоевателей (*и предасть ю паки Татаромъ Бакоту*)¹⁶.

Конечно, в своих суждениях мы ограничены односторонней версией событий княжеского летописца, не отражающей их во всей полноте. Однако упоминание здесь баскака, впервые появившегося в Галицко-Волынской Руси, не оставляет сомнения, что дело шло о подчинении местных князей власти нового великого хана с последующим проведением переписи населения и установлением новых налоговых обязательств.

Военачальник Куремса

По всей видимости, Милей не сумел добиться своих целей мирным путем, и тогда в дело вступил военный отряд Куремсы. Чаще всего последнего считают одним из монгольских военачальников или региональных правителей, чей небольшой улус располагался между Днепром и Днестром.

Идентификация личности Куремсы сталкивается с определенными трудностями, обусловленными не столько обычным в таких случаях недостатком данных, сколько, наоборот, наличием нескольких форм соответствующего имени в источниках, происходящих из различной культурно-языковой среды. В них неоднократно встречается личное имя *Курумшии/Курумчи* (*Qurumši, Qurimši, Qurimči*), распространенное у средневековых монголов, которое носили также несколько Чингизидов (см.: [Cleaves, p. 433–435]).

О взаимоотношениях Куремсы с Бату ничего не известно. Высказывавшееся в литературе мнение, что Куремса был внуком Джучи (третьим сыном Орду) и, соответственно, племянником Бату, имеет слишком шаткие основания в источниках и, скорее всего, должно быть признано ошибочным (см.: [Иванова, с. 41; Порсин, с. 200–206]). Более вероятным нам представляется предположение, что Куремса не был Джучидом¹⁷.

Уже давно замечено, что личное имя *Коренца* (*Choranca, Choranza*), как оно передано братом Иоанном (Джованни дель Пано Карпини), папским посланником к монголам, непосредственно встречавшимся с Куремсой, могло отражать монгольскую форму названия жителя Хорезма – хорезмийца (*χwařezmī*), от которой образовано и монгольское личное имя *Qurumši* (см.: [Pelliot, 1938, p. 150–152; Pelliot, 1973, p. 38–39]). В таком случае, кем бы ни был обладатель подобного имени (или прозвища), мы можем предполагать его тесную личную связь с Хорезмом; возможно, он был выходцем из этой страны, недавно завоеванной монголами, или особым образом проявил себя при ее завоевании.

Из монгольских и персидских источников известно о существовании в Ургенче, столице Хорезма, богатого и влиятельного мусульманского клана *Курумшии* (*Qurumši*), выходцами из которого были упомянутые выше Махмуд Ялавач и Масуд-бек (см.: [The Secret History of the Mongols, p. 962]). Перейдя на службу к монголам, оба они сделали головокружительную карьеру и достигли высокого положения в имперской иерархии.

Если допустить, что наш Куремса происходил из хорезмийского мусульманского клана Курумши, получит объяснение один из важных фактов биографии Масуд-бека. В начале регентства Туракины (вдовы Угэдея) он был вынужден бежать, спасаясь от возможных

¹⁶ ПСРА. Т. 2. Стб. 828–829.

¹⁷ См.: *Иоанн де Пано Карпини. История монголов: текст, перевод, комментарий* / Пер. А. А. Вовина, П. В. Лукина; под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М., 2022. С. 267–268. Примеч. 55 (комментарий В. В. Трепавлова).

репрессий. На несколько лет Масуд-бек получил убежище на территории Улуса Джучи¹⁸. Придя к власти, Гуюк вернул его на имперскую службу в прежнем качестве наместника в Средней Азии¹⁹.

Вспомним, что помимо Куремсы на Юге Руси примерно в это же время действовал еще один мусульманин, достигший высокого положения на монгольской службе, – префект или баскак, которого брат Иоанн именовал Саррацином (*Sarracenus*) (VII.3)²⁰ и который, весьма вероятно, также был выходцем из Хорезма. Похоже, в Улусе Джучи опальный Масуд-бек мог рассчитывать на поддержку своих влиятельных земляков или даже родственников.

Исследователями давно замечено, что именно принявшие ислам хорезмийские тюрки, «бесермены» русских летописей, играли ведущую роль в качестве сборщиков податей в русских землях и Улусе Джучи вообще. На рубеже 1250–1260-х гг. они наладили систему налоговых откупов в Северо-Восточной Руси, что привело в 1262 г. к крупнейшему восстанию против монгольского правления²¹ (см.: [Насонов, с. 50–52; Vernadsky, p. 159–160; Allsen, 1987, p. 109–110]).

Причины столкновения Даниила Галицкого с Куремсой до сих пор остаются невыясненными. Иногда их пытаются найти в просчетах «двойственной» политики Даниила, искавшего поддержки латинского Запада, что неизбежно вело к «рати» и «злу» от татар (см.: [Стефанович, с. 125]). Считается, что Куремса мог действовать как по приказу Бату, так и по собственному почину, поскольку имел с Даниилом локальные территориальные споры, выросшие в вооруженный конфликт, продолжавшийся несколько лет (см.: [Иванова, с. 41–44]). Более перспективным нам представляется высказанное недавно предположение, что столкновение Даниила с Куремсой было непосредственно связано с «общеимперской фискальной реформой» 1252 г., проводимой под руководством хана Мунке и предполагавшей проведение всеобщей переписи (см.: [Хаутала, с. 374]).

Перепись должна была начаться с граничащих со степью юго-восточных окраин владений Даниила, где находился город Бакота. Сюда первым делом прибыл баскак Милей. По-видимому, Бакота была выбрана неслучайно: здесь власть галицко-волынских князей была сравнительно слабой и не однажды находились желающие оспорить ее, как среди местных бояр, так и среди иноземных правителей. В Галицко-Волинской летописи находим сведения о том, как после монгольского завоевания Южной Руси в Бакоте вокняжился некий Доброслав, взявший под свою власть все Галицкое Понизье²². Бакота, очевидно, была административным центром Понизья, и владение ею означало контроль над всем краем (см.: [Винокур, Горішній]). Даниилу удалось на какое-то время вернуть Бакоту, однако вскоре город пришлось защищать от черниговского князя Ростислава Михайловича, несколько лет боровшегося с Романовичами за власть над всей Галичиной²³.

Появление в Бакоте баскака Милея Даниил мог воспринимать как очередную попытку отнять Галицкое Понизье, инициированную его бывшим слугой, перешедшим на сторону монголов. Поэтому князь поначалу предпринял в отношении Милея самые решительные меры военного характера. Однако, убедившись в невозможности силового противостояния с Милеем ввиду его нового статуса представителя монгольского хана, галицко-волынские князья попытались найти приемлемый компромисс путем переговоров.

¹⁸ *Juvaini. The History of the World-Conqueror. P. 243.*

¹⁹ *Ibid. P. 257.*

²⁰ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Eds. E. Menestò et al. Spoleto, 1989. P. 285.*

²¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 476.

²² ПСРА. Т. 2. Стб. 789.

²³ Там же. Стб. 791–792.

С другой стороны, отказ от безусловного выполнения требований баскака и его захват в Бакоте имперские власти должны были расценивать как открытое неповиновение или бунт, который не мог оставаться без последствий. Проявивший слабость Милей сошел со сцены, уступив место Куремсе. Последний не вел мирных переговоров, а действовал исключительно силовым путем. Вернув под власть монголов Бакоту и Понизье, Куремса через некоторое время атаковал волынский город Кременец, продолжая тем самым экспансию во владениях Романовичей. В дальнейшем имя Куремсы фигурирует в описаниях нескольких стычек галицко-волинских князей с татарами, предшествовавших вторжению Бурундая.

Недавно предложена интересная (хотя и не бесспорная) реконструкция текста Галицко-Волынской летописи в части известий об отношениях местных князей с монголами в 1250-е гг. Заключительные страницы «галицкой» части памятника обнаруживают следы «радикального, но не вполне тщательного редактирования», в том числе перемещенные фрагменты, среди которых – сообщение о некоем загадочном Изяславе, пытавшемся отбить Галич у Даниила с помощью татар (см.: [Галицко-Волинський літопис, с. 491])²⁴. Путем удаления предполагаемых вставок и других следов редакторской работы, искажающих первоначальный текст летописи, среди прочего предпринята попытка восстановить «хорошо структурированный связный нарратив», представляющий собой «последовательную историю о борьбе Даниила за Бакоту». После первой потери города вследствие измены Милея князь Даниил отправляет туда сына Льва. Бакоту возвращают, Милея приводят к Даниилу, но потом отпускают ввиду поручительства Льва. Вскоре после этого Милей изменяет второй раз, и тогда расстроенный Даниил посылает другого сына, Романа, уладить ситуацию. Роману удается вторично взять в плен Милея и привести к отцу [Арістов, с. 459]²⁵.

Если эта реконструкция верна, мы получаем возможность удовлетворительно объяснить не только исчезновение Милея с летописных страниц, но и ответные меры монгольских властей в отношении волынских князей. После захвата Милея монгольский военачальник Куремса совершил один или несколько карательных походов вглубь территорий, подконтрольных Романовичам, и атаковал уже не приграничные районы, а главные города Волыни, в том числе Луцк и Владимир-Волинский²⁶. Тем самым имперские власти добивались полного и безусловного подчинения галицко-волинских князей. Куремса не справился с этой задачей и через некоторое время был заменен Бурундаем.

Опираясь на пришедшее с ним «множество полков», Бурундай быстро добился успеха. Даниил Романович, отказавшийся от проведения общеимперской переписи и несколько лет оказывавший вооруженное сопротивление Куремсе, был лишен власти и изгнан из Руси, а его младший брат Василько должен был выполнить все требования нового представителя великого хана, в том числе разрушить оборонительные укрепления почти всех своих городов (см.: [Dąbrowski, s. 416–418])²⁷.

²⁴ Случаи перемещения и частичного дублирования текста встречаются и в других местах Галицко-Волынской летописи, что до некоторой степени может быть объяснено перемещением и путаницей листов ее несохранившегося оригинала, представлявшего собой переплетенную рукопись сравнительно небольшого формата, на нумерованных листах которой содержался текст, не имевший разбивки на годовые статьи (см.: [Майоров, 2013]). Согласно другой гипотезе, оригинал Галицко-Волынской летописи в значительной степени представлял собой разрозненные и наспех отредактированные в конце XIII в. черновые записи, сделанные разными авторами в предшествующие десятилетия (см.: [Jusupović, 2022]).

²⁵ Впрочем, вопреки сделанным обещаниям, восстановить «хорошо структурированный связный нарратив» не удастся. После проведенных изъятий и перестановок летописного текста возникает новое малопонятное сообщение об отправке Милеем некоего Федора «ко Солеми», которого попытался перехватить Лев Данилович, направлявшийся в Венгрию [Арістов, с. 459]. Автор реконструкции не в состоянии объяснить, кем был этот Федор, куда и с какой целью он был отправлен. Все это, разумеется, снижает ценность его текстологических упражнений.

²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 829, 842.

²⁷ Там же. Стб. 849–850.

Дворский Андрей

Выяснение хронологической последовательности и общего количества военных кампаний Куремсы против Даниила и Василька Романовичей представляет собой отдельную исследовательскую задачу, трудно решаемую в силу специфики нашего единственного источника – Галицко-Волынской летописи (см.: [Галицько-Волинський літопис, с. 505–512]). Часто походы Куремсы на Бакоту и Кременец объединяются в один, что обусловлено их расположением в одной погодной статье (в Ипатьевском списке)²⁸. Однако недавние исследования показали, что речь идет о двух разных кампаниях и поход на волынский город Кременец следует датировать 1254 г. (см.: [Иванова, с. 40–41; Dąbrowski, s. 372–376]).

Во время этой новой атаки произошел весьма примечательный эпизод, пока что недооцененный исследователями. Согласно Галицко-Волынской летописи, в переговоры с татарами вступил некий Андрей, которого летописец обвиняет в двуличии (*на двое будущу*): заявляя о своей верности Даниилу Галицкому, Андрей в то же время служил татарам. Далее выясняется, что Андрей был связан служебными отношениями с Бату и имел при себе письменный документ, подтверждающий этот факт. Вступив в переговоры с Куремсой, Андрей сообщил: «Батыева грамота у мене есть», рассчитывая, что эта грамота поможет быстро уладить дело. Однако реакция Куремсы оказалась противоположной ожиданиям. Увидев грамоту (вероятно, пайцзу) Бату, татары пришли в ярость (*онем же болма възьярившимся*) и жестоко убили Андрея, вырезав у него сердце (*и сердце его вырезаша*)²⁹.

Адриан Юсупович считает, что вырезание сердца – это выдумка русского летописца, риторический прием, использованный с целью предостережения для тех, кто захочет служить татарам, изменив князю Даниилу [Jusupović, 2021, p. 240]. На наш взгляд, сохранившаяся в летописи подробность скорее напоминает один из реально практиковавшихся монголами способов убийства. Нельзя ручаться за точность рассказа русского книжника, незнакомого с монгольской практикой и, вероятнее всего, записавшего о случившемся с чужих слов. Тем не менее в его рассказе проступают черты, напоминающие характерную для средневековых монголов казнь, совершаемую без пролития крови жертвы.

Среди тюркских и монгольских кочевников существовало широко распространенное верование, что кровь является одним из основных мест обитания души. Это представление подкреплялось эмпирическим знанием о циркуляции крови, полученным из практики забоя животных путем вскрытия грудной клетки и остановки сердца при сохранении всей крови в туше. Средневековые монголы очень часто казнили сородичей и могущественных врагов бескровными средствами (например, удушением, переломом позвоночника или ударом в сердце), поскольку кровь родственника или сильного врага, пролитая на землю, могла вызвать несчастье и различные нежелательные последствия. Бескровную смерть монголы всегда считали более предпочтительной. Как правило, это было привилегией родственников или высокопоставленных врагов ханов (см.: [The Secret History of the Mongols, p. 753; Allsen, 2004,

²⁸ Там же. Стб. 828–829.

²⁹ Там же. Стб. 829. В недавно опубликованном текстологическом комментарии к Галицко-Волынской летописи утверждается, что первоначально летописный рассказ о войне Куремсы с Романовичами содержал сообщение только об одном походе на Волынь через Кременец на Владимир-Волынский с подходом к Луцку и возвращением в поле. В результате позднейшей редакторской работы произошло разделение этого похода надвое. Так появился отдельный поход на Кременец, попавший в предыдущий текст, отделенный несколькими страницами от сообщения о походе на Владимир-Волынский. Эпизод об Андрее, убитом в Кременце, при подобной реконструкции остается лишним. Не найдя возможности «приспособить» его к какому-то другому известию, авторы реконструкции готовы признать этот эпизод литературной фикцией, поскольку он, по их мнению, содержит парафраз одного из выражений, найденного в Хронике Малаалы (см.: [Галицько-Волинський літопис, с. 510–512]). Разумеется, подобные гипотезы могут быть привлекательны за счет своей нарочитой экстравагантности, но не научной строгости и выверенных доказательств.

р. 207]). По-видимому, именно такой случай бескровного убийства путем вскрытия грудной клетки и остановки сердца отразился в сообщении Галицко-Волынской летописи. Посторонние наблюдатели приняли действия монгольского палача за вырезание сердца и пересказали свои визуальные впечатления от этой сцены летописцу.

Но главное – убийство Андрея, имевшего охранную грамоту от правителя Улуса Джучи, показывает, что атаки Куремсы были направлены не только против русских князей, отказывающихся повиноваться хану, но и против представителей Бату, поддерживавших его власть над русскими землями. Подобную ситуацию мы видим и во Владимиро-Суздальской земле во время атаки Неврюя (см.: [Майоров, 2022а, с. 32–34]).

Присмотримся более внимательно к личности убитого татарами Андрея. Будучи слугой Даниила Галицкого, он одновременно состоял на службе у Бату, выполняя функции, аналогичные функциям баскака (см.: [Jusupović, 2013, s. 109–110, 209]). Иногда историки прямо называют Андрея баскаком, назначенным Бату для управления Кременцом (см.: [Галицко-Волинський літопис, с. 417]). Однако, в отличие от упомянутого выше баскака Милея, представлявшего администрацию великого хана, Андрей служил правителю Улуса Джучи и формально баскаком не считался. Подобные друг другу с точки зрения происхождения и выполняемых функций, Андрей и Милей оказались в жесткой оппозиции ввиду принадлежности к разным политическим силам, вступившим в борьбу между собой.

Хотя о даннической зависимости Даниила от Бату княжеский летописец предпочитает прямо не распространяться, нет сомнений, что такая зависимость имела место. Сетуня на бедственное положение своего князя, летописец как бы проговаривается, что, находясь в ставке ордынского правителя, Даниил присягнул на верность новому сюзерену и в том числе признал себя его данником, поскольку выплата дани была главным требованием татар (*дани хотять*); стоя перед Бату на коленях, Даниил назвал себя его холопом (*ныне сидит на колену и холопомъ называется*)³⁰.

Для целей нашего исследования важно заметить, что свою вассальную присягу правителю Улуса Джучи Даниил Галицкий принес в то время, когда престол верховного правителя Монгольской империи был вакантным, шла борьба за него различных политических сил и ввиду этого великоханская власть временно была ослаблена. Князь Даниил никогда не посещал великоханской ставки и, следовательно, не имел личных обязательств перед верховными правителями империи. Для него власть монголов многие годы персонифицировалась с Бату, считавшимся старшим среди Чингизидов и, по мнению некоторых современников, обладавшим властью, близкой или даже равной власти великого хана (см.: [Майоров, 2022а, с. 27–28]).

При таких обстоятельствах Даниил и другие русские князья, политически были дезориентированы. Оставаясь верными присяге Бату, они должны были исходить из непосредственных реалий своего времени: правитель Улуса Джучи обладал военной силой, которой не всегда располагал далекий имперский центр, долгое время олицетворяемый слабыми правителями, занятыми внутренними распрями и мало интересовавшимися делами западных окраин, в частности русских земель.

Это положение изменилось с приходом к власти нового великого хана Мунке, бросившего вызов региональному сепаратизму своих родственников и местных чиновников и принявшего ряд энергичных мер по централизации власти и усилению контроля над ресурсами всей империи, прежде всего финансовыми (см.: [Allsen, 1987, p. 79–82; Jackson, p. 118–119]). Нет ничего удивительного, что на первых порах реформы Мунке вызвали широкое сопротивление на местах, в котором так или иначе участвовали не только Джучиды, но и присягнувшие

³⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 808.

им русские князья. Инциденты подобного рода происходили также в Иране и на Кавказе и также сопровождались применением силы имперскими чиновниками, назначенными Мунке (подробнее см.: [Майоров, 2022а, с. 34–35]).

Рассказывая шокирующую историю гибели Андрея, представителя Даниила Романовича в переговорах с Куремсой, летописец говорит о нем как о хорошо известном лице, много лет находившемся на княжеской службе и потому не нуждающемся в особом представлении. Не был ли этот Андрей тождественен *дворскому Андрею*, ранее многократно упомянутому в летописи? Достигнув высокого положения при дворе князя Даниила, дворский Андрей играл весьма заметную роль в политической жизни и военных кампаниях 1240-х гг. (см.: [Jusupović, 2013, s. 104–109]). Дата смерти дворского Андрея не известна, но ничто не указывает на его возможную смерть ранее 1254 г.

Если дворский Андрей действительно перешел на службу к Бату и представлял администрацию Джучидов во владениях Романовичей, то находит объяснение бросающаяся в глаза, но малопонятная деталь летописного рассказа о переговорах князя Льва Даниловича с Милеем, в котором явный акцент сделан на роли некоего «дворского», первым встретившегося с баскаком (*посла Левъ дворьского перед собою*). В литературе уже высказывалось предположение, что посредником в переговорах князя Льва с баскаком Милеем мог быть именно дворский Андрей (см.: [Kronika halicko-wołyńska, s. 356, przym. 935]).

Андрей и Милей, будучи представителями монгольских властей разного уровня – великого хана и улусного правителя, первым делом должны были выяснить отношения между собой.

Первый раунд переговоров, похоже, не привел к определенному результату, и через два года ситуация повторилась. Когда в 1254 г. отряд Куремсы подошел к Кременцу, Андрей вновь отправился на переговоры с монголами, имея на руках ярлык или пайцзу, выданную Бату. Эта важная деталь показывает, что Андрей представлял тогда не только галицко-волинского князя, но и правителя Улуса Джучи – «на двое будущу», как говорит о нем летописец. Однако повторное противопоставление авторитета Бату воле великого хана монгольские власти, представлявшие центральное имперское правительство, расценили как тяжкое преступление. И в итоге Андрей был наказан смертью, практиковавшейся в отношении врагов хана. Пайцза, полученная от Бату, при таких обстоятельствах могла быть признана недействительной или даже подложной. Как известно, придя к власти, великий хан Мунке запретил региональным правителям выпускать ярлыки и пайцзы от своего имени. Отныне подобные документы могли исходить только от имени императора. Все ярлыки и пайцзы, выпущенные ранее признавались недействительными и подлежали изъятию, их дальнейшее использование считалось незаконным (см.: [Allsen, 1987, p. 80; May, p. 154]).

Выводы

В связи с начавшейся в 1252 г. общеимперской переписью податного населения в Южную Русь был назначен баскак или даругачи по имени Милей, возможно происходивший из местного боярства, перешедшего на службу к монголам. В качестве баскака Милей мог сменить прежнего имперского наместника *Саррацина*, чьи злоупотребления описал брат Иоанн, проезжая через земли Южной Руси.

В начале 1253 г. в помощь Милею был назначен бичигчи Берке – имперский чиновник, специализировавшийся на проведении переписи и руководивший впоследствии переписью новгородцев. Назначение Берке было произведено лично великим ханом Мунке, что может

свидетельствовать об особом внимании к русским делам со стороны имперского правительства. К концу 1253 г. перепись уже была проведена в какой-то части Южной Руси, возможно в Киевской и Черниговской землях.

Правительство Мунке, несомненно, планировало проведение переписи также в Галицко-Волынской земле, и уже в начале 1252 г. баскак Милей появился на ее территории, вероятно, с требованием к местным князьям принять участие в проведении переписи. Получив отказ, Милей обратился к имперским властям за военной помощью. Как кажется, следствием неудачи Милея стали его быстрый уход с исторической сцены и появление более эффективного имперского чиновника Берке.

Другим следствием неудачи Милея стали появление в Галицко-Волынской Руси военного отряда Куремсы и его многолетняя война с Романовичами. Правители Улуса Джучи внешне не вмешивались в этот конфликт, но негласно могли поддерживать галицко-волынских князей, поскольку не были заинтересованы в усилении власти имперского центра в русских землях, которые считали своими владениями. Казнь по приказу Куремсы дворского Андрея, когда он предъявил пайцзу, выданную Бату, прямо указывает на столкновение интересов имперской и улусной властей в установлении контроля над Русью. В итоге общеимперская перепись в Галицко-Волынской Руси, похоже, так и не была проведена, по крайней мере вплоть до смерти Бату и его сына Сартака.

Литература

- Арістов В. Як не ходив на Галич князь Ізяслав у 1250-х роках // *Academia. Terra Historiae. Студії на пошану Валерія Смоля.* Київ, 2020. Кн. 2. С. 447–462.
- Винокур І. С., Горішній П. А. Бакота. Столиця давньоруського Пониззя. Кам'янець-Подільський, 1994. 362 с.
- Галицько-Волинський літопис: текстологія / За ред. О. П. Толочка. Київ, 2020. 929 с.
- Горський А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // *Исторический вестник.* 2014. Т. 10 (157). С. 58–80.
- Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // *Записки Наукового товариства ім. Шевченка.* 1901. Т. 41. С. 1–72.
- Иванова Е. Е. К вопросу об ордынской политике Даниила Романовича Галицкого // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2013. № 2 (52). С. 37–48.
- Иглесиас Р. Ф. Православные баскаки: феномен русско-ордынской контактной зоны // *Каптеревские чтения.* М., 2022. Вып. 20. С. 183–213.
- Кибинь А. С. От Ятвяжи до Литвы. Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. М., 2014. 269, [2] с.
- Майоров А. В. Первая уния Руси с Римом // *Вопросы истории.* 2012. № 4. С. 33–52.
- Майоров А. В. «Двойные» известия Галицко-Волынской летописи // *Русская литература.* 2013. № 3. С. 87–99.
- Майоров А. В. Русские князья после нашествия Батя: борьба за Галич и Киев // *Stratum plus.* 2016. № 5. С. 49–56.
- Майоров А. В. Апостольский Престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в. // *Византийский временник.* М., 2019. Т. 103. С. 128–152.
- Майоров А. В. Александр Невский, римский папа и монгольский хан: к вопросу о «выборе» между Западом и Востоком // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2021. № 4 (86). С. 5–24. DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.001
- Майоров А. В. Александр Невский, Бату и хан Мунке: нашествие Неврюя и контроль над русскими землями // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2022. № 4 (90). С. 23–38. DOI 10.25986/IRI.2022.4.90.003 [Майоров, 2022a]

- Майоров А. В. Русские земли в фискальной политике хана Мунке // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1033–1046. DOI 10.21638/spbu02.2022.401 [Майоров, 2022б]
- Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. 178 с.
- Порсин А. А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Руки ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань, 2018. (История и культура Золотой Орды и татарских ханств. Вып. 22). 275 с.
- Стефанович П. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–1340 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 116–134. DOI 10.31857/S086956870005909-0
- Трепавлов В. В. Административное устройство. Организация управления // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 148–157.
- Хаутала Р. Противостояние между Улусом Джучи и католической Европой с середины XIII до середины XIV века // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 371–384.
- Allsen T. Guard and Government in the Reign of the Grand Qan Möngke, 1251–59 // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1986. Vol. 46. P. 495–521.
- Allsen T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, etc., 1987. XVI, 278 p.
- Allsen T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge, 2004. XIII, 245 p.
- Biran M. The Mongol Empire and inter-civilizational exchange // The Cambridge World History. Vol. 5 / Eds. B. Z. Kedar, M. E. Wiesner-Hanks. Cambridge, 2015. P. 534–558.
- Biran M. The Mongol Imperial Space: From Universalism to Glocalization // The Limits of Universal Rule. Eurasian Empires Compared / Eds. Yu. Pines, M. Biran, J. Rüpke. Cambridge, 2021. P. 220–256.
- Cleaves F. W. The Mongolian Names and Terms in the *History of the Nation of the Archers* by Grigor of Akanc // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1949. Vol. 12. P. 400–443.
- Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. 538 s.
- De Rachewiltz I. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1966. Vol. 9. P. 88–144.
- Endicott-West E. Mongolian Rule in China: Local Administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, MA, 1989. VII, 217 p.
- Hope M. The Keshig // The Mongol World. London; New York, 2022. P. 370–381.
- Jackson P. The Mongols and the Islamic World from Conquest to Conversion. New Haven; London, 2017. XXIV, 614 p.
- Jusupović A. Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1269). Studium prozopograficzne. Kraków, 2013. 352 s.
- Jusupović A. Basqaqs in Rus': Social Strategy of Power // The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe. London; New York, 2021. P. 235–248.
- Jusupović A. The Chronicle of Halych-Volhynia and Historical Collections in Medieval Rus'. Leiden; Boston, 2022. XXIV, 268 p.
- Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / Wyd. D. Dąbrowski, A. Jusupovic. Kraków, 2017. CXXXVII, 710 s.
- Maierov A. V. Church-Union Negotiations between Rome, Nicaea and Rus, 1231–1237 // Orientalia Christiana Periodica. 2018. T. 84. No. 2. P. 385–405.
- May T. The Mongol Empire. Edinburgh, 2018. XXII, 416 p.
- Melville Ch. The Keshig in Iran: The Survival of the Royal Mongol Household // Beyond the Legacy of Genghis Khan. Leiden; Boston, 2006. P. 135–164.
- Pelliot P. Le nom du *χwārizm* dans les textes chinois // T'oung Pao. Second Series. 1938. Vol. 34. P. 146–152.
- Pelliot P. Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient. Paris, 1973. 307 p.
- The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. with a hist. and philol. comment. I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. CXXXVIII, 1348 p.
- Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven; London, 1953. XI, 480 p.

References

- Allsen, T. Guard and Government in the Reign of the Grand Qan Möngke, 1251–59. In *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1986. Vol. 46. Pp. 495–521.
- Allsen, T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, etc., 1987. XVI, 278 p.
- Allsen, T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge, 2004. XIII, 245 p.
- Aristov, V. Yak ne khodiv na Galich knyaz' Izyaslav u 1250-kh rokakh [How Prince Izyaslav did not Go to Galich in the 1250s]. In *Academia. Terra Historiae. Studii na poshanu Valeriya Smoliya*. Kiev, 2020. Book 2. Pp. 447–462.
- Biran, M. The Mongol Empire and inter-civilizational exchange. In *The Cambridge World History*. Vol. 5 / Eds. B. Z. Kedar, M. E. Wiesner-Hanks. Cambridge, 2015. P. 534–558.
- Biran, M. The Mongol Imperial Space: From Universalism to Glocalization. In *The Limits of Universal Rule. Eurasian Empires Compared*. Eds. Yu. Pines, M. Biran, J. Rüpke. Cambridge, 2021. P. 220–256.
- Cleaves, F. W. The Mongolian Names and Terms in the *History of the Nation of the Archers* by Grigor of Akanc. In *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1949. Vol. 12. Pp. 400–443.
- Dąbrowski, D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. 538 s.
- De Rachewiltz, I. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period. In *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1966. Vol. 9. Pp. 88–144.
- Endicott-West, E. Mongolian Rule in China: Local Administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, MA, 1989. VII, 217 p.
- Galits'ko-Volins'kii litopis: tekstologiya [The Galician-Volhynian Chronicle: Textual Criticism]. Ed. O. P. Tolochko. Kiev, 2020. 929 p.
- Gorskii, A. A. Utverzhdenie vlasti Mongol'skoi imperii nad Rus'yu: regional'nye osobennosti [The Establishment of the Mongol Empire's Rule over Rus': Regional Specifics]. In *Istoricheskii vestnik*. 2014. Vol. 10 (157). Pp. 58–80.
- Grushevs'kii, M. Khronol'ogiya podii Galits'ko-Volins'koi litopisi [Chronology of Events of the Galician-Volhynian Chronicle]. In *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. 1901. Vol. 41. Pp. 1–72.
- Hope, M. The Keshig. In *The Mongol World*. London; New York, 2022. Pp. 370–381.
- Iglesias, R. F. Pravoslavnye baskaki: fenomen russko-ordynskoi kontaktnoi zony [Orthodox Baskaks: The Phenomenon of the Russian-Horde Contact Zone]. In *Kapterevskie chteniya*. Moscow, 2022. Issue 20. Pp. 183–213.
- Ivanova, E. E. K voprosu ob ordynskoi politike Daniila Romanovicha Galitskogo [To the Question of the Golden Horde Policy of Prince Daniel Galitsky]. In *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*. 2013. No. 2 (52). Pp. 37–48.
- Jackson, P. The Mongols and the Islamic World from Conquest to Conversion. New Haven; London, 2017. XXIV, 614 p.
- Jusupović, A. Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1269). Studium prozopograficzne. Kraków, 2013. 352 s.
- Jusupović, A. Basqaqs in Rus': Social Strategy of Power. In *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe*. London; New York, 2021. Pp. 235–248.
- Jusupović, A. The Chronicle of Halych-Volhynia and Historical Collections in Medieval Rus'. Leiden; Boston, 2022. XXIV, 268 p.
- Khautala, R. Protivostoyanie mezhdU Ulusom Dzhuchi i katolicheskoi Evropoi s serediny XIII do serediny XIV veka [The Confrontation between the Jochi Ulus and Catholic Europe from the Middle of the 13th to the Middle of the 14th Century]. In *Zolotaya Orda v mirovoi istorii*. Kazan, 2016. Pp. 371–384.
- Kibin', A. S. Ot Yatvyazi do Litvy. Russkoe pogranich'e s yatvyagami i litvoi v X–XIII vekakh [From Yatvyazi to Lithuania. The Russian Border Lands with the Yatvyags and Lithuania in the 10th – 13th Centuries]. Moscow, 2014. 269, [2] p.
- Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). Wyd. D. Dąbrowski, A. Jusupovic. Kraków, 2017. CXXVII, 710 s.
- Maiorov, A. V. Pervaya uniya Rusi s Rimom [The First Union of Russia with Rome]. In *Voprosy istorii*. 2012. No. 4. Pp. 33–52.
- Maiorov, A. V. "Dvoinye" izvestiya Galitsko-Volynskoi letopisi ["Double" News of the Galician-Volhynian Chronicle]. In *Russkaya literatura*. 2013. No. 3. Pp. 87–99.

- Maïorov, A. V. Russkie knyaz'ya posle nashestviya Batyya: bor'ba za Galich i Kiev [Russian Princes after the Invasion of Batu: Struggle for Galich and Kiev]. In *Stratum plus*. 2016. No. 5. Pp. 49–56.
- Maïorov, A. V. Church-Union Negotiations between Rome, Nicaea and Rus, 1231–1237. In *Orientalia Christiana Periodica*. 2018. T. 84. No. 2. Pp. 385–405.
- Maïorov, A. V. Apostol'skii Prestol, Nikeiskaya imperiya i Rus' v ekumenicheskikh protsessakh serediny XIII v. [Apostolic See, Empire of Nicaea and Rus' in the Ecumenical Processes of the mid-13th Century]. In *Vizantiiskii vremennik*. Moscow, 2019. Vol. 103. Pp. 128–152.
- Maïorov, A. V. Aleksandr Nevskii, rimskii papa i mongol'skii khan: k voprosu o “vybore” mezhdz Zapadom i Vostokom [Alexander Nevsky, Pope and Mongol Khan: On the Question of the “Choice” between the West and the East]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 4 (86). Pp. 5–24. DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.001
- Maïorov, A. V. Aleksandr Nevskii, Batu i khan Munke: nashestvie Nevryuya i kontrol' nad russkimi zemlyami [Alexander Nevsky, Batu and Möngke Khan: Invasion of Nevryuy and Control over Russian Lands]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 4 (90). Pp. 23–38. DOI 10.25986/IRI.2022.4.90.003 [Maïorov, 2022a]
- Maïorov, A. V. Russkie zemli v fiskal'noi politike khana Munke [Rus' Lands in the Fiscal Policy of Möngke Khan]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 2022. T. 67. Issue 4. Pp. 1033–1046. DOI 10.21638/spbu02.2022.401 [Maïorov, 2022b]
- May, T. *The Mongol Empire*. Edinburgh, 2018. XXII, 416 p.
- Melville, Ch. The Keshig in Iran: The Survival of the Royal Mongol Household. In *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden; Boston, 2006. Pp. 135–164.
- Nasonov, A. N. *Mongoly i Rus'* [Mongols and Rus']. Moscow; Leningrad, 1940. 178 p.
- Pelliot, P. Le nom du *ḫwārizm* dans les textes chinois. In *T'oung Pao. Second Series*. 1938. Vol. 34. Pp. 146–152.
- Pelliot, P. *Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*. Paris, 1973. 307 p.
- Porsin, A. A. Istoriya Zolotoi Ordy kontsa XIII – nachala XIV veka v trude Rukn ad-Dina Beibarsa al-Mansuri “Zubdat al-fikra” [The History of the Golden Horde of the End of the 13th – the Beginning of the 14th Century in the Work by Rukn ad-Din Beibarsa al-Mansuri “Zubdat al-fikra”]. Kazan, 2018. (Istoriya i kul'tura Zolotoi Ordy i tatarskikh khanstv [History and Culture of the Golden Horde and Tatar Khanates]. Issue 22). 275 p.
- Stefanovich, P. Politicheskoe razvitie Galitsko-Volynskoi Rusi v 1240–1340 gg. i otnosheniya s Ordoi [Political Development of Galicia-Volyn Rus in 1240–1340 and Relationship with the Horde]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2019. No. 4. Pp. 116–134. DOI 10.31857/S086956870005909-0
- The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Transl. with a hist. and philol. comment. I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. CXXVIII, 1348 p.
- Trepavlov, V. V. Administrativnoe ustroistvo. Organizatsiya upravleniya [Administrative Structure. Organization of Management]. In *Zolotaya Orda v mirovoi istorii*. Kazan, 2016. Pp. 148–157.
- Vernadsky, G. *The Mongols and Russia*. New Haven; London, 1953. XI, 480 p.
- Vinokur, I. S., Gorishnii, P. A. Bakota. Stolytsia davn'orus'kogo Ponyzzia [Bakota. Capital of the Old Russian Lower Lands]. Kamenets-Podolsky, 1994. 362 p.

Alexander V. Maïorov
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

MILEY, KUREMSA AND MÖNGKE KHAN:
SOUTHERN RUS UNDER MONGOL CONTROL

The Mongol commander Kuremsa's attacks on the Galician-Volhynian lands that took place in the first half of the 1250s were due to the struggle for power in the Mongol Empire. To ensure control over the western outskirts of the empire, the new Great Khan Möngke sought to destroy the system of subordination of Rus lands created by Batu in the 1240s. The census of the population of Rus, undertaken by the Möngke government, was supposed to ensure the centralization of power, material and human resources, necessary for further conquests both in the West and in the East. The confrontation between the Jochids and the imperial center continued for several years, until the death of Batu and his son Sartaq.

Keywords: Möngke Khan, Batu, Miley, Kuremsa (Corenza), Daniil Galitsky

